

Дуглас Брайан Дворец наслаждений

Конан – 106

Желание попрактиковаться перед началом королевской карьеры приводит Конана в Ианту. Но жизнь аристократа тоже полна неожиданностей. Лемурийка Эвника относится к людям как к игрушкам, и Конан вынужден вмешаться.

Новоприбывшему может показаться, что Ианта — самый унылый город на свете. Небо над ним всегда подернуто тучами, из которых сеет вечный дождь — монотонный, холодный. Улицы грязны. Стены домов облуплены. Сквозняк хлопает покосившимися ставнями. По грязным улицам торопливо проскальзывают тени, укутанные бесцветными лохмотьями.

Если новоприбывший никого в Ианте не знает и не имеет рекомендательного письма, он поселится в скверной корчме, где с него втридорога слупят за несъедобный ужин и ночлег в сырой кровати, в душной комнате, загаженной крысами. И наутро новоприбывший уедет, дав себе зарок — никогда не возвращаться в этот город.

У Конана было рекомендательное письмо, написанное ловкой рукой несравненной Зонары.

— В этом городе меня знают как виконтессу Ревиньон, — сказала она. — И маркиз Каркаду, бесспорно, — один из учтивейших кавалеров, примет тебя благосклонно...

— Нужна мне его благосклонность! — насутился северянин.

— Не перебивай, — Зонара была настроена очень серьезно. — Если ты действительно вознамерился стать королем, то тебе придется слегка отшлифовать свои манеры.

— Разве мои манеры так уж плохи? — усмехнулся Конан.

— Особенно когда ты ешь. Король, мой милый варвар, — это не только мощь и мужество. Это еще и обхождение, повадки и образцовое поведение.

Северянин почесал затылок.

Незадолго до этого они вместе с Зонарой успешно выбрались из очень опасной переделки. Им удалось не только сохранить свои жизни, но и захватить солидный куш. Даже

поделенный надвое, он смотрелся весьма прилично.

— Будет глупо просто взять и просадить такую кучу денег, — заявила Зонара. — Ее надо истратить с шиком.

И беспокойной авантюристке пришла в голову мысль: раскрыть перед варваром двери в высший свет.

— Аристократы, особенно молодые и красивые, живут очень интересной жизнью, — щебетала она. — Любовные похождения, турниры, дуэли, яства и питье в любом количестве! Кроме того, всегда можно ввязаться в какое-нибудь приключение.

Последний аргумент Конана убедил. Впрочем, поразмыслив, он пожал плечами.

— Получается, что я живу, словно аристократ. Стоит ли ради этого ехать в Ианту?

Но спорить было уже поздно, Рекомендательное письмо было готово и запечатано. Зонара не собиралась выслушивать возражения. Они провели на постоялом дворе еще одну ночь, а наутро разъехались в разные стороны. У Зонары имелись какие-то чрезвычайно важные дела в Бритунии.

И вот Конан в Ианте. Уличная грязь чавкает под сапогами. Стройная, сильная фигура варвара скрыта, искажена бесформенной хламидой, скверно сшитой и скверной ткани. Но под ней — богатый наряд. Перевязь — немного неудобная с непривычки, но расшитая камнями и золотыми нитями. Неудобство можно перетерпеть. Верный меч обзавелся нарядными ножнами, но ведь сталь не перестала от этого быть сталью!

Маркиз Каркаду прочитал письмо и долго смеялся, вспоминая проделки Зонары. Он был молод, горбонос и улыбчив. По сравнению с могучим рослым северянином, маркиз выглядел сущим хлюпиком, но когда было нужно, его изнеженные руки наливались крепостью, и легкий «городской» меч в этих руках не ведал усталости.

Одевался он с изысканной небрежностью. Четыре камердинера помогали ему облачаться перед выходом в свет, но к утру маркиз возвращался домой в виде весьма легкомысленном. Вечером Каркаду появлялся на балах, ближе к ночи — на каком-нибудь пиру, а самые упоительные ночные часы проводил в бесшабашном разгуле. И вот сама судьба предоставляет ему спутника и товарища. Радости маркиза не было предела.

— Остановитесь вы, конечно, у меня, любезный князь, — сказал он, прочитав письмо Зонары и складывая его пополам. — Кстати, как здоровье виконтессы?

— Здорова, — буркнул Конан в ответ. Он, бесстрашный воин, сражавшийся с людьми и нелюдьми, глядевший в лицо опасности без тени робости, испытал нечто, отдаленно похожее на смущение. И чувство это ему не понравилось. «Какой очаровательный провинциал! — подумал маркиз. — Сущий лесной медведь. Ничего, я его цивилизую!»

«Ну и фронт! — подумал Конан. — Кром! Зачем я здесь? Что я здесь делаю? Он ведь смеется надо мной!»

Жареная дичь и вино несколько развлекли варвара и изрядно подняли ему настроение. К тому же, за столом прислуживали четыре хорошеньких служанки, одетые по вкусу маркиза, — то есть, не полностью. Конан щурился на их прелести, и его чувство смущения постепенно проходило.

Каркаду не переставая говорил:

— Из развлечений на сегодняшний вечер могу предложить танцы у графа Эркона, дружеский поединок фехтовальщиков во дворце герцога Мармадыока, танцы четырех прекрасных дев и парад карликов... Нет нужды выбирать что-нибудь одно — мы успеем побывать всюду. У Эркона будет несравненная баронесса Марика и ее сестра-близняшка, не помню точно, как зовут. Обе — прехорошенькие. А на турнире я дерусь с посланником из Ванахейма. Он страшно рычит, но слаб в обороне...

Варвар только моргал, оглушенный этим водопадом имен и предложений. Однако скоро маркиз позвонил в колокольчик. Явились уже известные камердинеры и принялись облачать Каркаду в выходной наряд. Маркиз продолжал разглагольствовать и при этом столь живо жестикулировал, что затруднял работу слуг. Впрочем, у них имелись сноровка и хватка — они вертели своего господина, словно куклу, застегивая на нем крючки, завязывая банты,

поправляя воротничок и манжеты.

— Как, князь, у вас всего один костюм? — изумлялся Каркаду. — Не беда! Завтра же я позову лучших портных. Не пройдет и недели, как у вас будет самый выдающийся гардероб в Ианте!

Конан, не вполне понимавший, для чего ему нужна другая одежда, когда и эта еще вполне хороша, несколько озадачился.

Маркиз же почувствовал, что эта тема не слишком интересна его неожиданному гостю, и принялся с удвоенным усердием расписывать достоинства баронессы Марики.

Танцы Конану не глянулись. То есть, наблюдать за ними было занятно, но варвар отдавал себе отчет в том, что сам бы не смог повторить ни одной фигуры. Это его уязвляло. Зато на турнире он повеселился от души.

Благовоспитанные, чинные аристократы, наблюдавшие за ристалищем, словно заново почувствовали в себе воинственный дух предков. По причине традиционно скверной погоды, поединки проходили в большой зале с высокими, мозаичными потолками. От факелов, зажженных светильников и свечей в помещении было жарко. Зрители разгорячились куда больше дерущихся. Они издавали одобрительные восклицания, а каждый точный удар приветствовали бурными овациями.

Была среди зрителей некая дама, чья странная красота обратила на себя внимание Конана. Дама эта держалась особняком. Ее окружали слуги, одетые в черное, — настоящие великаны, молчаливые, как скалы. Незнакомка полусидела-полулежала на складном кресле.

Она была довольно высокой, утонченной, стройной, одежда не скрывала гибкости ее тела. Наряд, кстати сказать, сильно отличался от платьев прочих женщин высшего света. Он напоминал ритуальное одеяние жрицы. То же касалось и украшений, которые выглядели, скорее, амулетами, нежели простыми безделушками. Приглядевшись, Конан наметанным воровским глазом отметил, что все эти золотые побрякушки — работы старинной и очень редкой. Особенно изящны были подвески в виде дельфинов с изумрудными глазами. «Где я уже мог видеть похожие?» — размышлял варвар, но припомнить не смог.

Самым выразительным отличием незнакомки был ее взгляд, которым она следила за ходом поединков. Взгляд этот, приценивающийся, полный холодно любопытства, Конан хорошо знал. Так смотрели на гладиаторов знатные шлюхи из первых рядов амфитеатра.

— Кто она? — спросил варвар у Каркаду.

— Ты о красавице, окруженной немymi титанами? — Маркиз пожал плечами. — Прелюбопытная особа, в самом деле. Госпожа Эвника. Приехала не очень давно. Богата. Не замужем. Любит бывать в обществе, но ходят слухи, что она — бывшая куртизанка. Держится вызывающе. Обожает чувствовать себя в центре всеобщего внимания и, добиваясь этого, не слишком церемонится. Ее не очень жалуют, особенно прекрасная половина Ианты. Однако, мне пора на ристалище.

С этим маркиз юрко устремился к отгороженному ширмами уголку, где на него тотчас надели кирасу и защитную маску.

В бою Каркаду был великолепен. Быстрота и ловкость его движений напоминали танец. Противник маркиза, юный ванахеймский барон, казался рядом с ним нескладным увальнем. Он пытался задавить Каркаду грубой силой, пыхтел и злился. Турнирные мечи звенели, сталкиваясь. Скоро маркиз даже перестал парировать удары барона — просто уворачивался в сторону.

А барон разошелся не на шутку. Это и решило его участь. В очередной раз промахнувшись мимо подвижной цели, он попал в мраморную колонну, отбил от нее порядочный кусок, сломал меч и разрыдался от огорчения. Его увели.

— Проклятие! — воскликнул маркиз, снимая маску. — Если бы я не пригнулся, он проломил бы мне голову! Кстати, князь, не хотите ли вы поразмяться? Следующий боец, рыцарь Маримальт, весьма искусен. Он разделает меня под орех, как уже не раз бывало. — Что скажете?

Госпожа Эвника слышала эти слова. Она обернулась, чтобы взглянуть на «князя» и

даже поднесла к глазу большой шлифованный изумруд. Внушительная фигура киммерийца произвела на нее известное впечатление — она довольно развязно цокнула языком и подняла бровь, как бы упрасывая Конана выйти на ристалище.

— Кром Великий! — негромко прорычал Конан. — Она хочет зрелища? Она его получит!

— Если господин Маримальт не против оказать мне честь, — объявил он зычно, — я вызываю его! Или принимаю вызов... или как угодно! В общем, я с ним дерусь!

С трудом слуги подыскали кирасу, подходящую по размерам. Маску Конан отверг.

— Она мешает смотреть, — пробурчал он. Увидев это, рыцарь Маримальт тоже снял маску. Оказалось, что у него на удивление мягкое, приятное лицо, улыбчивое, почти детское.

Распорядитель турнира ударил в гонг, и схватка началась. Маримальт бился, сохраняя приветливую улыбку. Он не собирался побеждать любой ценой — для него турнир был просто развлечением, вроде игры в мяч. При этом он не пропустил ни одного удара.

Конан знал, что может победить, — для этого ему нужно было разозлиться. Вспомнить гладиаторскую арену, гул кровожадной толпы, запах крови и пота...

Внутреннее чутье подсказывало: сейчас не место и не время для этого. Нужно быть добродушным, легкомысленным и улыбаться — как улыбается рыцарь Маримальт.

Долго еще знатные жители Ианты вспоминали этот бой. Ничего красивее, по их словам, они не видели на ристалищах. Но самым эффектным оказалось завершение поединка. Внезапно пронзительный женский голос вскричал:

— Убей его!

Зрители затаили дыхание. Повинуясь этому голосу, Конан с неожиданной яростью отразил клинок Маримальта и провел сокрушительный прием. В последнюю долю мгновения, опомнившись, он задержал удар. Меч киммерийца остановился у самого виска Маримальта. Еще чуть-чуть — и рыцарь был бы убит на месте.

Маримальт побледнел, хотя и не перестал улыбаться. Отступив на шаг, с учтивым поклоном, он молвил:

— Поздравляю, победа за вами.

Конан пожал его руку и с чувством великого облегчения вернулся к зрителям.

— А? Что я говорил? — возмущался маркиз. — Разве можно кричать под руку? Это она нарочно, чтобы о ее выходке потом судачили несколько дней.

Госпожа Эвника снова рассматривала киммерийца сквозь изумруд. Конан ожидал, что она будет разочарована, но напротив, теперь в ее взгляде было больше любопытства.

Дальнейшие события этого вечера были шумны, веселы и сопряжены с обильными возлияниями. Далеко за полночь, в таверне на окраине города, новые приятели перешли на «ты».

— Ну, князь, признавайся — хороша жизнь в Ианте? — настойчиво выпрашивал маркиз, лежа головой на коленях хохочущей девицы.

Конан отвечал, что как будто бы хороша. Притягательное надменное лицо Эвники, ее злые глаза и ядовитая улыбка не входили из мыслей киммерийца.

* * *

— Всегда представлял себе северян холодными, даже чуть заторможенными людьми, — удивлялся маркиз. — А в тебе столько темперамента!

— Ванахеймский юнец, который чуть было тебя не уколошил, тоже северянин, — напомнил Конан.

— Он просто буйнопомешанный, — рассмеялся Каркаду. — Другого вряд ли отправили бы к нам с посольской миссией. Вернемся же к теме нашей беседы! Сдержанность, присущая аристократам, — своеобразное представление, которое каждый из нас разыгрывает сам для себя.

— Зачем? — Конан ухмыльнулся. — Не лучше ли посмотреть на настоящего фигляра?

— Фигляры редко бывают настоящими артистами. Они кривляются, потешая чернь. А у черни низкие вкусы. Грубая пантомима, похабные песенки и шутки вокруг детородных органов — вот и все, что нужно толпе. В то время как среди знати есть великолепные музыканты, изумительные чтецы и танцоры. Они не зарабатывают своими талантами, поэтому им нет нужды подлаживаться под чьи-либо вкусы.

— Не понимаю! — варвар развел руками. — Вот, к примеру, от искусства фехтования часто зависит твоя жизнь. Победить врага — это удовольствие!

— Когда совершенствуешься в каком-либо другом, более мирном искусстве, тоже побеждаешь врага, — хмыкнул маркиз и перепрыгнул через большую лужу, пузырящуюся от дождя.

Приятели направлялись в дом госпожи Эвники. Сегодня она демонстрировала избранной публике совершенно особый вид искусства — магию иллюзии.

— Колдовство! — поморщился варвар. — Ты хочешь смотреть на чародейские фокусы?

— Здесь говорится об иллюзиях, — возразил маркиз. — Это действительно фокусы, и ничего кроме. Будет забавно.

Киммериец с сомнением покачал головой. Если бы не загадочность Эвники, он остался бы дома, чтобы потом встретиться с маркизом в каком-нибудь питейном заведении, куда молодые аристократы обыкновенно заходили инкогнито. Но образ этой жестокой, таинственной женщины почему-то не давал Конану покоя.

— Помяни мое слово, маркиз, — с этой госпожой не так все просто, — сказал он.

— Вот и проверим заодно, — беспечно молвил Каркаду.

Они облачились в изысканные наряды, натянули поверх бесформенные, вечно сырые и заляпанные грязью одеяния и вышли из дома.

— Какого врага нужно побеждать, занимаясь музыкой? — насмешливо спросил Конан, возвращаясь к прежней теме. — Слушателя?

— Себя самого, конечно, — отвечал Каркаду. — Человек — ленивое создание. Ему приходит в голову, что он постиг все тайны гармонии, и тогда он перестает совершенствоваться. Разве в искусстве владения мечом дело обстоит иначе?

Киммериец вынужден был согласиться. Спор заглох. Маркиз еще какое-то время ворчал и сердился на глупых зодчих, по причуде которых большинство городских улиц чрезвычайно узки. Это обстоятельство не позволяло пользоваться носилками, и жители Ианты, даже самые знатные, не говоря о простых горожанах, были обречены месить грязь своими ногами. Существовали, правда, особые лакеи из силачей — они носили своих господ на плечах. Но их услугами преимущественно пользовались дамы.

— Какой странный особняк выбрала себе госпожа Эвника, — заметил Каркаду, когда добрались по адресу. — Это очень старая постройка.

Ей больше пяти столетий. Тогда и Ианта еще не была построена. Воображаю, как сыро и холодно внутри!

Варвар промолчал. Его пасмурные предчувствия усиливались.

Особняк и вправду был странен. Собою он представлял круглое строение из камня, окруженное двумя рядами колонн, почерневших от вечной сырости. Резная капитель каждой колонны представляла собою две закругленных раковины, на которых помещалась фигурка дельфина с поднятым хвостом.

— Опять дельфин! — отметил Конан. — Вряд ли это случайно.

Слуга-великан отворил им двери, принял вымокшие хламы и с поклоном препроводил в залу, где ожидали начала представления гости, числом около тридцати. Большие жаровни на высоких треножниках источали свет багрового оттенка. По потолку скакали тени. Гости слушали арфу — на ней играла миниатюрная девушка в прозрачном хитоне. Голову арфистки венчало странное украшение, напоминающее большую спиралевидную раковину. Вроде тех, что были на колоннах.

— Красотка, — сказал маркиз негромко и тут же добавил: — О, боги! Ты заметил? Эта штука просто растет из ее головы! Честное слово! Кто ее парикмахер?

Инструмент, послушный пальцам арфистки, рассыпал чарующие звуки, то серебристые, то жемчужные... В музыке слышались то журчание ручья, то ревущие волны штормящего моря. Потом девушка слегка откинула голову назад и, не прекращая играть, запела. Но песня ее непривычной оказалась для человеческого слуха. Состояла она из мелодичного пощелкивания и переливчатых, чрезвычайно высоких нот.

— Интересно, на каком это языке? — шепотом спросил Каркаду. — Мне кажется, я слышал что-то подобное, но где? Когда?

— Мне тоже так кажется, — кивнул варвар. — Будь очень внимателен. Все запоминай.

Маркиз удивился, но ни о чем не спросил — на приятелей зашикали из соседнего ряда.

Конан пристально разглядывал каждую деталь убранства залы, каждое лицо, обозначенное тенью в багровом мраке. Все приглашенные были мужчины. Знатные холостяки. Молодые и не слишком. Как правило, с безупречной родословной. Рыцарь Марималът тоже оказался здесь. Он сидел на одном из лучших мест. Лицо его хранило выражение светской непринужденности, однако в глазах иногда мелькало недоумение.

— Пора бы уж госпоже Эвнике начинать, — проговорил маркиз. — Музыка, конечно, чудесна, однако...

Он не успел договорить. Арфа смолкла. Яркая вспышка света ослепила всех, а когда к присутствующим вернулось зрение, удивительной арфистки и ее инструмента уже не было в зале.

— Дешевый прием! — фыркнул Каркаду. Конан сохранял молчание.

Неожиданно прямой луч света, упавший прямо с потолка, осветил пространство, предназначенное для выступления. В луче этом заблестали мириады разноцветных блесков.

Послышалась негромкая музыка, и все завертели головами в попытке разглядеть, где же спрятаны музыканты.

А блески кружились все быстрее и быстрее, переливаясь и сталкиваясь в воздухе. Это было похоже на метель и на брызги прибоя, подсвеченные радугой, и на вихри пузырьков в бокале игристого молодого вина.

И прямо из этого вихря возникла высокая женская фигура, едва задрапированная текучей шелковой тканью.

— Приветствую вас в моем доме! — произнесла Эвника (то была она). — Очень рада, что столь высокое общество, искушенное в зрелищах, снизошло до встречи со мной. Но клянусь забытыми богами древности, ни один из вас не будет разочарован!

Итак, вы пришли насладиться иллюзиями. Что же есть иллюзия? То, чего нет? То, что могло бы быть?

— Невероятно! — шепнул маркиз, толкнув Конана локтем. — Сейчас нас угостят заумными рассуждениями!

Варвар с некоторым недоумением покосился на своего спутника. Маркиз Каркаду говорил о госпоже Эвнике много нелестных слов, как и о ее представлении. Он заранее был уверен в том, что представление окажется скверным, он знал цену бывшей куртизанке и неоднократно становился свидетелем ее скандальных выходов в свете. И все же маркиз пошел сюда. Мало того — он искренне обрадовался, получив приглашение. Неужели ему нравится зубоскалить, сидя в заднем ряду? А может быть, ему правится сама госпожа Эвника? Чужие пороки часто притягивают.

Между тем Эвника продолжала:

— Но разве самому степенному из вас не кажется иногда, что его собственная жизнь — только мираж? Кто знает? Может быть, в эти мгновения на него находит озарение. Так или иначе, смотрите, восхищайтесь и размышляйте. Сначала мои помощники продемонстрируют вам свои скромные умения. Нибилла, чье пение и игру вы уже слышали, — моя воспитанница. Я нашла ее много лет назад на берегу моря. Она была почти ребенком в ту пору, совсем беспомощным, испуганным... Я приютила сироту и лично занималась ее

воспитанием. Она поет песни на языке своего народа...

Многие из зрителей хотели бы спросить, что это за народ, но правила этикета не позволяли прерывать представление. Тем временем появилась и Нибилла.

На сей раз она играла на небольшой виоле, резонатор которой был сделан из панциря морской черепахи. Вновь зазвучала песня, состоящая из звуков странных и таинственных. Нибилла пританцовывала. Серебряные бубенчики на ее лодыжках отзванивали ритмический рисунок. А в световом луче за ее спиной проступила отчетливая картина — морской берег, нагромождение далеких скал, пенные буруны и далекий парус у самого горизонта.

— Мне кажется, я узнаю это место, — пробормотал Каркаду в растерянности.

— А я узнал, на каком языке она поет, — ответил киммериец. — Кром всеильный! Мне следовало сразу догадаться!

— И что же это за язык?

— Это язык китов и дельфинов. Язык жителей моря, — Конан наморщил лоб. — Говорят еще, что разговаривать их научили лемурийцы. А там, где пахнет лемурийцами, там обязательно случаются занятные штуки...

— Но ведь этот народ погиб весь целиком! — поразился маркиз.

— Народ не может погибнуть целиком, поверь мне, — возразил варвар. — Мне уже доводилось сталкиваться кое с кем из них.

Нибилла закончила песню на необыкновенно высокой ноте, перевела дыхание и сразу начала вторую. В этой девушке, кроме раковин, росших из головы, была еще одна странность: во время пения она словно впадала в транс. Казалось, окружающее перестает существовать для нее.

Изображение за ее спиной померкло и сменилось другим. Теперь зрители наблюдали чудеса подводного мира. Одна за другой проплывали яркие рыбы с разноцветными плавниками, хищно моргал спрут, затаившийся за коралловой порослью. Зрелище постоянно изменялось.

Вот виден песок на дне, из которого торчит костяк затонувшего корабля. Раскрытый сундук, полный тусклых золотых слитков и драгоценных камней. У подножия сундука скалится жутко череп бывшего владельца этих сокровищ. Теперь он спокоен за их сохранность!

Снова меняется картина, будто взгляд поднимается к далекой поверхности — там пустота, зеленая прозрачная вода и ничего больше. Но колеблющийся силуэт появляется перед взором. Это молодая утопленница. Она, похоже, висит в пустоте. Волнуются над головой длинные русые волосы, руки невесомо и плавно движутся в страшном, медленно танце. Лицо отчужденное, спокойное... Что за жизнь была у этой бедняжки на суше? Теперь неважно. Море приняло ее и избавило от земных страданий. Теперь будет только прохладная зелень воды, тишина и хороводы пестрых рыбок вокруг.

— Бр-р-р! — маркиз стряхнул наваждение. — Мне показалось, что я тоже утопленник, — признался он. — Забавное ощущение.

— Ты полагаешь? — процедил Конан сквозь зубы. — Мне так не кажется.

Происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Выступление Нибиллы закончилось. С поклоном она отступила в луч света, который внезапно погас, чтобы через мгновение вспыхнуть вновь. Теперь в нем стояла другая девушка. Совершенно обнаженная, она держала в руках бубен. Ее тело было необычайно соблазнительным, пышным, но в меру. Узкая талия подчеркивалась приятной округлостью бедер, высокая крепкая грудь дразнила взгляд. У этой на голове тоже были раковины, еще более причудливой формы.

— Ликея, моя вторая приемная дочь! — проговорила госпожа Эвника, не показываясь перед зрителями. — Ее настоящие родители погибли случайно, во время одной из глупых и ненужных человеческих войн. Может быть, по этой причине Лике нравится играть с холодной сталью. Орудия убийства превращаются ею в декорацию, она попирает их и затмевает блеск мечей красотой своего тела.

С легким скрежетом каменный пол вокруг Ликеи весь ошетинился клинками и лезвиями. Мечи, кинжалы и ножи, устремленные остриями вверх, мерцали в луче. Ликея танцевала между ними, кружась и изгибаясь. Единственным аккомпанементом танцу служили мерные удары бубна.

Все быстрее и быстрее плясала Ликея, ритм бубна учащал сердцебиение зрителей. Казалось, еще немного — и танцовщица оступится, тело ее будет искромсано клинками...

— Взор, — говорил Каркаду, — мечи наверняка иллюзорные...

При этом маркиз нервничал и терзал пальцами кружева манжет.

Следующим выступал Нагир — невероятно уродливый карлик с лицом грустного, красивого юноши.

Росли ли раковины из его черепа, разглядеть было невозможно из-за парчового пышного тюрбана, усыпанного крупным жемчугом. Свои короткие, искривленные ручки Нагир держал скрещенными на груди. Между пальцами рук у него были прозрачные перепонки.

— Не думайте, господа, что мой воспитанник обижен судьбой, — произнес из темноты голос Эвники, — не смейтесь над его внешностью. Если бы вы знали, сколько красивых женщин дарили ему свою любовь, вы поняли бы, что облик человека — тоже иллюзия. Причем — самая пустяковая. Нагир одарен природой как никто другой. С самого своего рождения он умеет читать чужие мысли...

— Но позвольте! — не выдержал граф Борко, известный путешественник, повидавший немало. — Какое отношение имеет чтение мыслей к иллюзиям? Скорее, это эмпатика...

— О, вы знаток! — рассмеялась невидимая Эвника. — Дело в том, мой милый граф, что мысль, бесспорно, — тоже иллюзия. Вернее сказать, нам только кажется, что мы о чем-то думаем. Возможно, думают за нас другие существа из других миров, а может быть — сочетание звезд на небе управляет нашим рассудком.

— По-моему, это немного... унинительно, — пожал плечами граф Борко и опустил на свое кресло.

— Подумаешь! — хмыкнул развеселившийся маркиз. — Я иногда вообще не думаю.

— Мне ведомы помыслы любого из вас, — глухим голосом произнес Нагир. — Но приличия не позволяют высказывать мысли вслух без ведома их хозяина. Есть ли желающие?

— Я, к примеру, — поднял руку какой-то вельможа в черном камзоле.

— Мгновение назад вы думали о разорении, которое грозит вам, если ваша супруга не ограничит своих трат, — сказал Нагир бесстрастно.

Вельможа хлопнул себя рукой по колену и стушевался.

— Скажите мои мысли, — попросил юноша с бледным лицом и горящими глазами.

— Только что вы мечтали о герцогской короне. Перебирали родственников, которые должны умереть, чтобы расчистить вам дорогу к титулу. О, не стесняйтесь — мысли не наказуемы. Иногда такое лезет людям в голову...

— Чепуха! — брякнул юноша. Бледность на его щеках сменилась рдеющим румянцем.

— А мои? — слышался голос другого молодого человека.

— Вы мечтаете о Ликее. Обратитесь позже к моей госпоже. У вас печально с деньгами, но цена, право, вас устроит.

— Фу! — поморщился Каркаду. — Эмпатический сводник!

— А я о чем думаю? — спросил рыцарь Маримальт, поигрывая нагрудной цепью.

— Вы влюблены, — отвечал Нагир. — Мысли ваши ясны и просты. Примите совет — будьте осмотрительнее.

— В советах не нуждаюсь, — проворчал Маримальт и отвернулся.

— Ставлю десять золотых, что моих мыслей ты не прочтешь! — вдруг воскликнул Конан.

Маркиз вздрогнул от неожиданности. Нагир наклонил слегка голову и исподлобья посмотрел на киммерийца. Вдруг черты его лица искривились. Карлик засучил ногами,

взвизгнул и, уронив тюрбан, исчез в темноте.

— Что это было? — спросил маркиз среди общих возгласов удивления. — Ты тоже эмпатик?

— Как бы не так, — ухмыльнулся варвар. — Все проще. Никто не смеет читать мои мысли без моего разрешения.

Такое объяснение ничего маркизу не объяснило, но он решил поверить своему новому другу на слово.

В горящем луче появилась госпожа Эвника.

— Это — недоразумение, — произнесла она ледяным голосом. — Впрочем, любезный князь-северянин может позже зайти ко мне за выигрышем. Это долг чести. Но теперь настало время моего выступления! Оно и завершит сегодняшний вечер.

Эвника хлопнула в ладоши. Под пугающе-торжественную музыку слуги-великаны внесли в залу большой ящик, напоминающий шкаф или гроб, поставленный вертикально. Хозяйка дома открыла дверцу и продемонстрировала зрителям, что ящик пуст.

— Любой желающий может войти сюда, — сказала она. — И перенестись в удивительный мир грез и наслаждений, в котором исполняются все мечты, даже самые смелые. Ну, храбрее, господа! Исполнение сокровенных желаний — совсем не страшное событие.

Гости молчали. Большинство из них испытывало неловкость.

— Неужели никто? — деланно изумлялась госпожа Эвника. — Даже странно!

— Я готов, — сказал Маримальт, поднимаясь. Он подошел к ней и заглянул прямо в глаза. — Надеюсь, вы не обманете. Это было бы слишком жестоко.

— В подобных случаях я никого не обманываю, — улыбнулась Эвника. — Пожалуйста сюда, рыцарь.

— Он войдет! — разволновался Каркаду. — Чтоб мне полгода ходить в тесной обуви, он войдет!

Маркиз нисколько не ошибся. Рыцарь Маримальт вошел в ящик и встал неподвижно. Он казался спокойным и безмятежным, только грудь его вздымалась от волнения. Госпожа Эвника закрыла ящик.

— Подождем немного, — молвила она. — Я не буду читать заклинаний и заламывать рук в нелепых пассах. Просто сосчитаю до трех. Раз. Два. Три!

Ящик открылся. Он был пуст.

— Вот и все! — объявила Эвника. — Представление окончено. Не смею никого задерживать.

— Однако! — вновь поднялся граф Борко. — Разве вы не возвратите Маримальта обратно?

Хозяйка дома рассмеялась ему в лицо.

— Во-первых, это не входит в мои планы, — заявила она. — Во-вторых, он и сам был бы против этого. А в-третьих, ваши рожи мне изрядно надоели! Убирайтесь вон, дураки!

С этими словами госпожа Эвника сама запрыгнула в колдовской ящик и закрыла за собой дверь.

Потрясенный граф Борко кинулся за ней, рывком распахнул створку и тут же отступил. Эвника исчезла.

Маркиз Каркаду тоненько прыснул в рукав. Потом, не удержавшись, рассмеялся во весь голос.

— Это... восхитительно... — с трудом проговорил он, утирая слезы на раскрасневшемся лице. — Нас оставили в дураках... Пойдемте, отпразднуем это событие!

— Но где не Маримальт? — не унимался граф.

— Разве вы не поняли? Ох, умора! — Каркаду прямо-таки трясся от смеха. — Полагаю, что рыцарь Маримальт прекрасно проводит время в каком-нибудь укромном алькове. Не один, естественно... Какая женщина!

Великосветские господа в недоумении разошлись. Далеко не все умеют посмеяться над

собой, подобно маркизу Каркаду. Вдвоем с киммерийцем они дошли до заболоченной, донельзя грязной площади и размышляли, в какой из трех окрестных трактиров направить свои стопы. Маркиз продолжал посмеиваться.

— А ты чего хмуришься? — спросил он у своего товарища.

— Сдается мне, что дела у Маримальта далеко не так хороши, как ты думаешь, — мрачно произнес Конан.

— Почему? Все же яснее ясного!

— Никогда не доверяй колдуньям! — сказал варвар. — Особенно — лемурийкам!

— Разве лемурийки такие злобные? — удивился Каркаду.

— Они устроены не так, как мы, — пояснил киммериец. — Совсем по-другому. Зло для них — просто слово, понимаешь?

— Нет, — маркиз покачал головой. — Да пускай они все провалятся в преисподнюю! Ты беспокоишься за Маримальта? Он — молодой, сильный мужчина. Рыцарь, бывший на войне... Как-нибудь уж он-то позаботится о себе.

— Лично я предпочел бы иметь в одиночку дело с целой вражеской армией, чем со злой женщиной, — промолвил Конан серьезно. — Слушай меня. Маримальт в беде. Если мы не поможем ему, он погибнет. Сейчас мы пойдем в «Хромого оленя», выпьем горячего вина и подумаем, что следует предпринять.

* * *

Липкая, промозглая сырость охватила друзей, выбравшихся на улицу. Вследствие выпитого грома маркиз Каркаду ощущал раздвоение своей личности. Одна половина маркиза была не прочь позабавиться незаконным проникновением в чужое жилье. Эта половина вообще в любом обстоятельстве подмечала только смешные стороны. Вторая, сомлевшая от трактирного тепла, склонялась к недовольству, брюзжанию и желала во что бы то ни стало очутиться дома, в уютном кресле, перед пылающим очагом. Но она была ленива, проявляла себя крайне вяло, и первая половина маркиза, более энергичная, одержала над соперницей сокрушительную победу.

Конан откровенно наслаждался, чувствуя знакомое возбуждение. Мышцы его могучего тела играли, предвкушая борьбу.

— Опасность — что может быть прекраснее? — произнес он почти торжественно.

Маркиз рассмеялся и тут же проворчал:

— Ужин и теплая постель — вот что!

Киммериец пропустил эту реплику мимо ушей.

Скоро сообщники очутились возле дверей загадочного особняка Эвники. Двери были мраморные, вытесанные из сплошных глыб, и затворялись так плотно, что в щель между ними нельзя было просунуть и лезвия ножа.

— Здесь нет замочной скважины, отметил Каркаду и фыркнул: — Как же они попадают в дом? По подземному ходу?

— Такие двери запираются особыми механизмами, — сказал варвар. — Где-то здесь есть тайный рычаг.

Он принялся ощупывать стену и кладку дверной ниши.

— Нужно было взять фонарь, — брюзгливо заявил маркиз. — Темно, как в кармане у ростовщика!

— Мне фонарь ни к чему, — отозвался киммериец. Он никуда не спешил, действовал спокойно и уверенно. Рычаг, однако, не отыскивался. Конан еще раз осмотрелся с повышенным вниманием. Взгляд его зацепился за фигурку дельфина, лежащего на брюхе слева от дверей, там, где обычно восседает каменный лев или грифон.

— Сдается мне, — произнес киммериец, — когда мы были здесь в прошлый раз, хвост этого дельфина был поднят.

— Это как? — поинтересовался маркиз.

— Примерно вот так, — Конан ухватил обеими руками металлический хвост фигурки и с небольшим усилием поднял его.

Раздался отчетливый скрежет. Каркаду рассмеялся, подумав, что эксцентричный варварский князь сломал бронзовую статую. Но он ошибся.

Мраморные двери вздрогнули и стали открываться. Они не успели распахнуться полностью, когда варвар уже вбежал в дом, втащив за собой растерянного сообщника.

Взломщики юркнули в небольшую нишу, имевшуюся в стене коридора, и затаились там. Мимо них тяжело протопали слуги-великаны. Их было всего двое, они не успели вооружиться и даже толком одеться, но и при таких обстоятельствах Конан не решился бы напасть на обоих сразу. Они были огромны. Их тела бугрились чудовищными по величине мускулами. Между собой слуги переговаривались на «дельфиньем» языке, правда, в это мгновение отрывистые звуки, клекот и щелканье никому не показалось бы музыкальными.

От нервного напряжения брюзжащая половина маркиза упала в обморок. В связи с этим Кар-

каду почти протрезвел. По крайней мере, к нему явилась ясность соображения.

«Ну и ну! — подумал он. — Перебудили весь дом! Сейчас сбегутся остальные громилы, нас найдут отличным образом — и...»

Но этого не произошло. Прибежавшие на шум великаны застали только открывающиеся мраморные двери. Им не хватило ума сообразить, что непрошеные гости успели протиснуться в узкую щель. Слуги выскочили наружу, немного покричали там сердитыми голосами, затем вернулись, закрыли двери изнутри другим замаскированным рычагом.

Оба были рассержены, но так как врага извне они не обнаружили, то принялись ругаться между собой. Пощелкивания, взвизги и прочие звуки, которыми они обменивались, носили явно оскорбительный характер. Бранясь на сокровенном языке морских глубин, слуги удалились в свои комнаты, которые располагались весьма кстати на первом этаже. Это означало, что на втором взломщики, скорее всего, на великанов не наткнутся.

— Пошли, — уверенно молвил Конан.

Маркиз шествовал за ним следом и только диву давался — не далее, чем нынче вечером его приятель брел по этому коридору с видом скучающего бездельника, пресыщенного жизнью. Теперь же Конан ступал мягко, как барс. Движения его были точны, спокойны, и в то же время делалось ясно — в случае опасности он атакует стремительно и смертоносно.

«Впрочем, — размышлял Каркаду, — у них, на севере, принято воровать друг у друга скот и похищать женщин. Ему, наверное, не впервой забираться в чужой дом. Любопытные обычаи встречаются у некоторых народов».

Растущие из стен каменные цветы с резными лепестками — в прошлый раз маркиз принял их за старомодные архитектурные изыски — оказались светильниками. Они источали приглушенный зеленоватый свет без всякого явного присутствия огня.

— Проклятие! — сказал Каркаду вслух. — Эти штуки светятся, точно светляки, сами по себе!

— Некоторые глубинные твари тоже умеют светиться, — отвечал варвар. — В открытом море, когда вода спокойна и прозрачна, достаточно перегнуться через борт и посмотреть вниз. Не такое увидишь! Ты бывал в море?

— Только в бухте. И то чуть не погиб, — без удовольствия вспомнил Каркаду.

— Пираты? Морские чудовища?

— Хуже, друг мой. Меня укачало.

Киммериец пожал плечами. Его тоже удивляли повадки и особенности здешних аристократов. Не моргнув глазом, они могут ввязываться в опасные приключения, храбро сражаются — и могут упасть в обморок, если кто-нибудь поскребет ножом по тарелке. Эти люди напоминали ему дорогостоящих зингарских скакунов, которые дома в конюшне едят

только пшеницу, сваренную в вине, а в походных условиях могут не есть вообще и пьют соленую воду из луж.

Друзья добрались до винтовой лестницы, ведущей на второй этаж, и стали подниматься по ней. Сердце в груди маркиза колотилось яростно и весело. Чтобы облегчить себе подъем, он захотел опереться о перила. Однако рука Каркаду взмахнула в пустоте. Маркиз потерял равновесие и, без сомнения, полетел бы вниз, если бы Конан не поймал его за пояс.

— Что ты делаешь? — прошептал варвар.

— Иллюзорные перила! — маркиз развел руками. — Вот это да!

— Сегодня вечером на этой лестнице вообще не было перил, — сказал Конан. — Разве ты не заметил?

— Заметил ли я перила? Ну, ты даешь... — Каркаду не знал, обидеться ему или рассмеяться.

Конан с неодобрением покачал головой.

Довольно скоро сообщники оказались в уже знакомой зале. Кресла, в которых сидели зрители удивительного представления, исчезли. Только волшебный ящик оставался на месте, тускло поблескивая полированной крышкой-дверью.

— Что дальше? — осведомился Каркаду.

— Мы зайдем в него, — Конан решительно направился к ящику.

— Вместе?

— Конечно, по очереди! — киммериец решил не раздражаться на приятеля, и это, признаться, давалось ему с трудом.

— Какое странное дерево, — проговорил маркиз, погладив пальцами гладкую боковую стенку. — Похоже на мореный дуб...

— Это и есть мореный дуб. Ящик поднят со дна моря, где пролежал не одну сотню лет, — сказал варвар.

— И при этом не сгнил?

— Обычный ящик, может, и сгнил бы. Но от этого просто разит колдовством, — нахмурившись, молвил киммериец. — Вообще-то я предпочитаю не связываться со всеми этими магическими штучками. Вреда от них куда больше, чем пользы. Но этот предмет, похоже, — единственная наша лазейка.

— Куда?

— Сейчас и узнаем, — невозмутимо ответил Конан и уже протянул руку, чтобы открыть ящик...

В это самое мгновение с потолка упал луч света. Маркизу показалось, что этот луч обладает тяжестью, — его ошарашило, будто ударом по голове.

Нибилла и Ликея приближались к ним с двух сторон. Глаза обеих воспитанниц госпожи Эвники мерцали, словно звезды, отраженные в морских волнах.

Нибилла поигрывала длинным хлыстом — он извивался в ее руках, словно хвост живой змеи. А Ликея чертила в воздухе замысловатые узоры клинками двух мечей странной формы — в виде акульих плавников.

Обе были обнажены, но их тела сейчас не показались бы соблазнительными даже самому распутному мужчине. Чешуя покрывала их с головы до пят. А между чешуйками то и дело высывались тонкие, гибкие отростки, словно ощупывающие пространство вокруг.

— С нами дамы? — произнес маркиз. — Как мило!

Он побледнел. Тщательно причесанные и уложенные волосы на его голове встали дыбом от ужаса, но, как и подобает истинному аристократу, Каркаду пересиливал свой страх и издевался над опасностью.

— Лично я ничего не имею против некоторой легкомысленности ваших вечерних туалетов, сударыни, но здесь адский сквозняк. Как бы вы не простыли, — продолжал он.

— Замолчи, человечиска, — прошипела Нибилла.

— Вы успели выучить наш язык? — притворно изумился Каркаду.

Нибилла взмахнула кнутом. Между ней и маркизом еще оставалось значительное

расстояние, но гибкое жало хлыста неожиданно вытянулось и обожгло нежную щеку маркиза.

Тот и глазом не моргнул.

— Сколько темперамента! — высказался он, трогая свою щеку кончиками пальцев. — Не каждому мужчине это нравится, милочка.

Следующий удар был нацелен ему прямо по глазам, но Каркаду уже успел приготовиться и увернулся с необычайной легкостью. Узкий клинок его меча мгновенно покинул ножны и блеснул в луче.

Хлыст намотался на оружие маркиза. Каркаду дернул. Нибилла завизжала от ярости — хлыст был вырван из ее руки. Маркиз ловко перехватил его за рукоять в воздухе.

— Некоторые считают, что бить женщин нехорошо, — сказал он. — Но что делать? Иногда приходится. К тому же, милочка, сдается мне, что вы не вполне женщина. Что же вы такое?

Нибилла закатила глаза и испустила пронзительный визг, причем он становился все тоньше и тоньше, пока совсем не пропал из слуха. Но в голове Каркаду вспыхнул ослепительный фейерверк боли. Собравшись с силами, он хлестнул Нибиллу кнутом, причем кнут вновь вытянулся и обмотал лемурийку вокруг бедер. И сразу она исчезла.

Каркаду покачнулся, но устоял на ногах.

Тем временем Ликея, продолжая размахивать мечами, приближалась к Конану. Движения ее напоминали танец, который она демонстрировала гостям. Неожиданно внизу что-то заскрежетало, и из пола показались мерцающие клинки. Маркиз, стоявший за спиной варвара, оступился и вскрикнул:

— Проклятье! Это не иллюзия! Они настоящие! Я разорвал себе штаны! Они стоили кучу денег!

При этом из раны на ноге у него обильно текла кровь.

Конан внимательно следил за танцем Ликеи.

В какой-то момент он осознал, что совершает ошибку. Плавность движений лемурийки, призрачный блеск ее глаз и отсветы на ее клинках погружали его в транс. Он словно впадал в оцепенение. Когда Ликея атакует, он не успеет отреагировать.

А она тем временем выбирала удобный момент, проскальзывая мимо клинков и лезвий, торчащих вокруг.

Сделав вид, что он по-прежнему поглощен ее танцем, варвар осторожно разглядывал пол. Он ухитрился рассчитать собственные движения так, чтобы пройти между оружия, и неожиданно для Ликеи атаковал ее сам. Удар его меча был столь стремителен, что, казалось, по залу пронесся ветер.

Ликея должна была упасть от этого удара замертво, разрубленная от плеча до пояса. Но упали, тускло звякнув, только ее мечи. Сама она исчезла бесследно.

Прыгая на одной ноге, маркиз доковылял до своего сообщника и ухватил его за руку, чтобы не упасть.

— Они не убиты, — сказал он. — Они просто сбежали. И могут явиться в любой момент, чтобы напасть на нас снова. Если ты не передумал забираться в этот демонский ящик, то теперь самое время. — Ты прав, — согласился Конан.

Он вернулся к ящику, а в это самое мгновение мечи и ножи, возникшие из пола, стали прозрачными и спустя миг и вовсе растворились. Каркаду издал возглас удивления, после чего разразился проклятиями.

— Если это все-таки иллюзия, то кто объяснит моему камердинеру, отчего мои панталоны постигла столь плачевная судьба? — восклицал он. — Разве об иллюзию можно порвать штаны?

— Как видишь, — отозвался Конан. Его рука уже лежала на дверце ящика. Рывком распахнув ее, киммериец громко скрипнул зубами.

Скрестив на груди руки с перепонками между пальцев, внутри ящика стоял Нагир.

— Пришли за выигрышем? — бесстрастно осведомился он.

— Если ты умеешь читать мысли, то без труда узнаешь, для чего мы здесь, — грубо ответил варвар.

— Твоих мыслей, северянин, я читать не могу. Понимаешь ли, это ведь просто фокус. На самом деле я их не читаю, а внушаю. Моя хозяйка намекала об этом достаточно прозрачно. Но тебе я ничего не могу внушить. Наверное, потому, что у тебя слишком крепкий лоб.

— А мне — можешь? — спросил Каркаду неприятным тоном.

Нагир презрительно усмехнулся:

— Тебе — тоже не могу. У тебя мозг как у канарейки...

— Выметайся оттуда, — оборвал его Конан. — Дай дорогу.

Нагир покачал головой.

— Для чего ты лезешь не в свое дело? — произнес он. — Тебе больше нечем заняться? Хозяйке ты не понравился. Сначала она обратила внимание на твою статью, но ты слишком уж норовистый. Сам все испортил. Если бы ты проломил на турнире череп этому мальчишке, был бы сейчас на его месте. А он хорош! Потерял голову совершенно и будет служить госпоже до конца дней своих. Жаль, что люди так быстро умирают. Никто не может выдержать наслаждений. Люди странно устроены. Способны терпеть голод, холод, пытки, даже унижение... Но неумеренное

блаженство их губит.

— Хватит болтать! — Конан начинал сердиться уже не на шутку. — Проваливай, иначе содержимое твоей головы будет очевидно любому желающему!

— Не горячись, — Нагир медленно моргнул. — Ты хоть знаешь, куда собираешься ворваться? Знаешь, что тебя ожидает?

— Тебе лучше бы посторониться, — сказал Каркаду.

Его томили скверные предчувствия. Мгновение назад он подумал: почему слуги-великаны до сих пор не сбежались на шум? И, словно в ответ на его мысли, с первого этажа донеслись низкие, угрожающие голоса.

Предоставив киммерийцу разбираться с не в меру болтливым чтецом чужих мыслей, маркиз доковылял до тяжелых дубовых дверей залы, закрыл их и запер изнутри на засов. Длительного штурма со стороны могучих слуг Эвники эти двери, конечно, не выдержат, но помогут выиграть время.

Тем временем варвар, потеряв остатки терпения, выругался и схватил Нагира за руку. На ошупь пальцы карлика оказались неприятно холодными и податливыми, словно принадлежали мертвецу. Конан потянул Нагира на себя, но тот, ухмыльнувшись узким ртом, рванул назад и... пропал. Конан выругался еще громче — его правая рука, по локоть исчезнувшая в черной пустоте, продолжала сжимать холодное, вырывающееся запястье Нагира, но варвар не видел этого.

Голоса слуг отчетливо раздавались уже прямо из-за дверей. Один из них даже попытался войти в залу и рассерженно затрещал на своем дельфиньем наречии.

Каркалу поспешил обратно к ящику. Рана на его ноге оказалась неглубокой, и кровотечение уже почти унялось. Опасность — и по всему судя, нешуточная — освежила его.

Он успел увидеть, как его приятель буквально запрыгнул внутрь ящика. Когда же маркиз подошел совсем близко, то обнаружил, что Конан и противный уродец — оба пропали. Каркаду немного помешкал, наблюдая, как сотрясаются от могучих ударов дубовые двери.

— Теперь-то уж поздно размышлять! — весело произнес маркиз и шагнул в ящик.

Темнота охватила его со всех сторон. Впереди, там, где должно было находиться деревянное дно ящика, шевелилось что-то живое и слышался шум, похожий на приглушенное завывание ветра. Каркаду шагнул вперед и вскрикнул от неожиданности. Под его ногами разверзлась пустота. Быстрый поток воздуха, поднимавшийся снизу, а также ощущение пугающей легкости подсказали ему, что он падает — проваливается на дно

чрезвычайно глубокого колодца. «Проклятье! — подумал он. — Меня опять укачивает!» Действительно, голова его закружилась, и он потерял сознание.

Когда Каркаду пришел в себя и открыл глаза, вокруг было светло и тихо. Высоко над ним шевелились ветви какого-то цветущего дерева.

— Чудно, — пробормотал маркиз. — Когда мы заходили в дом Эвники, была холодная дождливая ночь, а теперь — теплый, ясный день... Кажется, птички поют...

Действительно, где-то неподалеку щебетали птицы.

— Вставай, — послышался ворчливый голос Конана, неприятно перебивая райскую симфонию птичьего пения. — Пропустишь самое интересное.

Слабо постанывая, Каркаду поднялся и принялся отряхивать свою щегольскую одежду.

— Удивительно! — бормотал он при этом. — Я вышел из дома во всем новом! Что я скажу моему камердинеру?

Неизвестно каким образом изящный наряд маркиза, сшитый у лучших портных Ианты, превратился в лохмотья, словно его обладателя волоком протащили через преисподнюю. Одевания варвара выглядели не лучшим образом. Впрочем, киммериец, в отличие от своего новоявленного друга, не склонен был переживать по подобному поводу. Он ждал, пока его товарищ окончательно не придет в себя.

Каркаду огляделся по сторонам.

— Занятное местечко, — молвил он. — Ума не приложу, где мы теперь находимся! Я не видел ничего похожего поблизости от Ианты.

— Потому что мы сейчас далеко от Ианты, — кивнул Конан. — Очень далеко.

— Стало быть, госпожа Эвника все-таки настоящая колдунья! — Маркиз в восторге хлопнул себя по бедру. — Вот ведь демоница!

— Нет, — варвар покачал головой. — Она лемурийка. Ее волшебные умения сродни возможностям сильных жрецов. Не это сейчас интересно. Места, где мы сейчас находимся, нет ни на одной карте — в этом я убежден. Здесь ее настоящее обиталище, и оно как следует скрыто от нашего мира. Это и понятно — лемурийцы слишком отличаются от нас, чтобы жить рядом с нами. Неясно другое — для чего Эвника похищает людей?

Рассеянно слушая, Каркаду продолжал вертеть головой.

— Какое странное небо! — удивился он, взглянув вверх. — Посмотри! Оно не плоское, как у нас, а похоже на дно перевернутой чашки. И цвет...

В самом деле, небо напоминало купол, поднимающийся от непривычно близкого горизонта и смыкающийся в зените. Цвет его, поразивший впечатлительного маркиза, не очень подходил небесам.

— Это — море, — сказал Конан. — Над нами действительно перевернутая чаша. Очень большая. А над ней и вокруг нее — море.

— Слишком много для одного вечера, — прошептал Каркаду и потер виски.

Конан решил запастись терпением. Он не был до конца уверен в своем спутнике и, конечно, считал его слишком изнеженным для опасных приключений.

Но маркиз Каркаду доблестно защитил достоинство своего аристократического сословия. Внезапно он усмехнулся и произнес легкомысленно-светским тоном:

— Ну что ж, по-моему, прогулка выйдет занимательной. И никто не упрекнет меня в том, что я не выезжаю дальше пригородов. В какую сторону мы идем?

Конан указал перед собой.

— Я вижу дорогу, мощеную камнем, — сказал он. — Она-то уж точно выведет нас куда-нибудь.

— А в какую сторону направимся?

— Бросим монетку, — предложил варвар. — Если упадет гербом, пойдем вправо. У тебя есть деньги?

— Ты хочешь, чтобы маркиз Каркаду носил при себе наличные? — хихикнул его товарищ. — Аристократы так не поступают!

— Кром великий! — проворчал варвар. — У меня тоже ни гроша. Ну и пес с ним.

Пойдем направо!

Приятели так и поступили. То, что они видели по обе стороны дороги, напоминало тщательно ухоженный парк при дворце. Деревья экзотических пород почти все были подстрижены необычным образом. Птицы, поразившие своим пением маркиза, превосходили одна другую яркостью оперенья и сладкозвучием голоса. Полуразрушенные колонны, увитые цветущим плющом и бело-розовым вьюном, мраморные беседки, окруженные зарослями роз, статуи в виде юных воинов и обнаженных дев — всего этого, как показалось маркизу, было в избытке. Некоторые клумбы были вымощены крупными золотыми слитками, а другие — драгоценными камнями и жемчужинами. На зеленой лужайке, сверкая под лучами таинственного светила, высилась горка, сложенная из алмазов.

— С ума сойти! — сказал маркиз. — Хвастаться своим богатством так навязчиво и безвкусно может только бывшая куртизанка.

— Ничего! — отвечал на это варвар. — Если выпадет случай, мы несколько поубавим это кичливое самодовольство.

— Уж не собираешься ли ты опуститься до грабежа? — недоуменно осведомился Каркаду.

— Грабеж во время боевых действий не только допустим. Это весьма почтенное занятие, — отрезал киммериец. — Не забывай, что прихвостни Эвники первыми напали на нас с оружием. Но грабежом мы займемся чуть позже. Нужно разведать, что случилось с Маримальтом. Тихо! — вдруг рявкнул он, перебивая сам себя. — К нам кто-то бежит!

Маркиз весь обратился в слух. Спустя мгновение до него донесся легкий топоток. Послышались восклицания. Судя по голосу, женщина, скрытая от глаз густыми зарослями шиповника, приближалась к путникам. Скоро она показалась.

Это была девушка лет девятнадцати, одетая в голубую прозрачную тунику. Она бежала с легкостью лани, напуганной неожиданным появлением охотников.

Завидев обоих, девушка испустила вскрик и замерла, разглядывая приятелей. Каркаду показалось, что она сейчас испугается и умчится прочь, но случилось иначе. Незнакомка бросилась к ним навстречу.

— Откуда вы? Как попали сюда? — спрашивала она и, не веря своим глазам, ощупывала новоприбывших. — Ведь вы... из мира, где обычное небо, обычные деревья... Да? Да?

— Ты — тоже, — перебил ее варвар. — Сначала ответь, ты — пленница Эвники?

Слезы выступили на глазах девушки. Она кивнула и всплеснула руками.

— Да, я пленница, — сказала незнакомка. — Сначала я благословляла госпожу Эвнику, видела в ней свою спасительницу...

— Это интересно, — вставил слово маркиз. — Но прежде давайте присядем на травку. Вы запыхались, к тому же что-то вас сильно взволновало. Мы с другом никуда особо не спешим и выслушаем ваш рассказ со всем вниманием.

Произнося эту тираду, Каркаду поклонился вежливо и непринужденно. Его благородные манеры и произношение оказали на девушку успокаивающее действие. Она улыбнулась и взяла себя в руки.

Они с маркизом опустились прямо на обочину, поросшую шелковистой травой. Конан остался стоять. Глубокая заинтересованность проснулась в его синих, ледяных глазах.

— Я — Тана, — представилась девушка, — дочь барона Артего из Аквилонии. Мой несчастный отец, я думаю, погиб во время этой ужасной бури. Она застала наш корабль в открытом море и превратила его в свою игрушку. Команда корабля много дней сражалась со штормом, который то обманчиво затихал, то вдруг снова принимался свирепствовать с новой силой. Многие моряки погибли, но с каждым днем, что нам удавалось удержаться на плаву, росла надежда на избавление от неминуемой смерти. Ведь не может же буря продолжаться бесконечно! Капитана смыло волной за борт, матросы растерялись... Кроме того, никто не знал, где мы находимся. Возможно, свирепый ураган унес нас туда, где еще никогда не ходили корабли.

И вот однажды кто-то из моряков закричал, что полоска неба над горизонтом очистилась от туч. Это означало, что буря близиться к концу. Мы уже не сомневались в своем спасении, но неожиданно корабль налетел на скалу. Днище его лопнуло, он стал тонуть — стремительно, неудержимо...

Я оказалась в холодной воде. Слабые крики отчаяния раздавались вокруг, но быстро затихали. Меня захватило водоворотом, и скоро я уже была в самом центре ужасной воронки. У меня не осталось сил, чтобы кричать... Да и зачем? Все равно никто не пришел бы на помощь. Холод пробирал до костей, страх сковал мое тело, и я решила покориться судьбе. Последнее, что я помню, — как вода сомкнулась над моей головой.

Я стала проваливаться в самую толщу, задерживая дыхание и страдая от удушья. На глубине вода сдавила меня со всех сторон. От боли и страха я закричала, выпустив воздух из груди и потеряла сознание.

А когда пришла в себя, то увидела, что надо мной склонилась красивая женщина. Она пытливо разглядывала меня. Оказалось, что я лежу на постели, в светлой, хорошо убранной комнате, а за окном колышутся ветви дерева и щебечут птицы.

— Ты не умерля, глупышка, — сказала женщина. — Тебе удалось спастись. Богиня удачи любит тебя. Если бы поблизости от места крушения не оказалось никого из моих слуг, твое тело постепенно стало бы морской водой...

Ее голос звучал тепло, обволакивающе, но вот глаза... В них дремал холод, колющий и злой. В то мгновение я уговорила себя думать иначе. Мало ли что может показаться в полубреду.

Женщина назвалась госпожой Эвникой.

— Где я нахожусь? — спросила я.

— В моем доме, — отвечала она.

— А где находится ваш дом?

— Ты задаешь слишком много вопросов для девушки, которая побывала в объятиях самой смерти, — сказала госпожа Эвника. — Название местности ни о чем тебе не напомнит. Ты никогда раньше не слыхала его, глупышка.

Может я чересчур горда, но мне не нравится, когда меня называют «глупышкой». От женщины пожилой я бы вынесла подобное обращение, но Эвника казалась не сильно старше меня.

— Скажите, госпожа, — обратилась я к ней твердо, — могу ли я надеяться когда-нибудь вернуться домой? Я безмерно благодарна вам за спасение, но мне бы не хотелось злоупотреблять вашим гостеприимством.

Госпожа Эвника рассмеялась.

— Во-первых, ты еще слишком слаба, — сказала она сквозь смех. — Во-вторых, у меня нет корабля, чтобы отправить тебя на родину. Так что тебе довольно долго придется жить здесь. А что до злоупотребления гостеприимством — так об этом не беспокойся. Я беру тебя под опеку. Ты не будешь нуждаться в пище и крове, у тебя будет красивая одежда и дорогие украшения. А за это ты будешь служить мне и развлекать меня. Не волнуйся, глупышка, я гораздо знатнее тебя. В должности фрейлины нет ничего зазорного.

«Что ж, — подумала я, — в конце концов, я ведь обязана ей жизнью».

Меня действительно снабдили одеждой и поселили в роскошно убранном помещении, в котором, кроме меня, обитали еще четырнадцать девушек. Все они оказались из разных частей света, и все давно смирились со своей участью. Так же, как и я, они в свое время едва не погибли в море и таинственным образом очутились здесь. Иные еще скучали по дому и просыпались в слезах — ускользающие видения родных мест посещали их во сне.

В чем же стояла наша общая участь? Естественная стыдливость с трудом позволяет мне говорить об этом. Время от времени некоторых из нас приглашают в опочивальню Эвники. Там нам приказывают обнажиться. Точно наложницы из сераля, мы должны исполнять все прихоти этой женщины. Иногда она принуждает нас ласкать ее постыдным образом, иногда же сама ласкает приглянувшуюся ей пленницу. Если несчастная протестует, Эвника зовет

своих слуг — безжалостных великанов, послушных ей во всем. Провинившуюся наказывают без пощады. Она может считать, что ей повезло, если ее просто высекут, привязав к колонне. Обычно бедняжку подвергают куда более мучительному истязанию. Бывает, что кого-нибудь из нас секут просто так, без вины. Эвиике нравится наблюдать за этим. Она страшно распаляется, становится просто ненасытной. Мне довелось дважды испытать на себе ее жестокие склонности. Не знаю, как я осталась в живых. Жгучий стыд и унижение ломают гораздо сильнее боли...

Позднее я узнала, что во владениях Эвники есть еще несколько таких же сералей. В одном из них живут несчастные, чья участь целиком сводится к боли. По капризу Эвники их мучают, часто — до смерти. В другом заключены пленницы, ублажающие слуг Эвники. Их судьба также плачевна. Грубая, слишком мощная плоть этих великанов причиняет им невероятные страдания. Они скоро умирают.

Так что мне еще повезло. А есть особый сераль — в нем содержатся девушки, предназначенные для гостей Эвники. Несколько раз в году она исчезает, иногда — надолго, и возвращается не одна. Возможно, она околдовывает мужчин. Ее пленники так и не понимают, что они в плену. Остаток своей жизни они проводят, наслаждаясь яствами, питьем, ласками рабынь и самой госпожи Эвники... Их глаза делаются пустыми, тела истончаются, словно тени. Проходит десять-двенадцать дней — и вот уже из опочивальни выносят мертвое тело, укрытое простыней.

— Так быстро? — усмехнулся Копан. — Неужели Эвника выбирает одних только хлюпиков?

— О нет, господин. Избранники Эвники вовсе не таковы. Дело в другом. Она потчует их особым напитком. Я много раз видела его действие... Отведав напитка, который цветом похож на молодое вино, обреченный чувствует в себе прилив мужских сил. Страстное желание охватывает его. Он приходит в исступление. Только в этом состоянии мужчина может доставить наслаждение госпоже Эвнике. Вожделение пленника нарастает с каждым часом. Через два дня он уже не покидает ложа, причем Эвника, отрываясь от его ласк, заменяет себя свежей наложницей из сераля на время, потребное ей самой для отдыха... Ненасытная похоть между тем пожирает мужчину изнутри.

— А откуда Эвника берет столь дивный напиток? — поинтересовался маркиз.

Тана побледнела. Его голос задрожал.

— Неподалеку отсюда находится капище, посвященное демоице по имени Атротида. Там стоит ее изваяние. Вряд ли человек мог изваять эту статую. Она прекрасна, но если долго смотреть на нее, Атротида становится пугающей. Лицо безупречной красоты словно искажается гримасой, слепые глаза статуи делаются злыми и страшными...

Однажды Эвника велела мне сопровождать ее в это капище. Я должна была нести на подносе золоченый сосуд, накрытый куском парчовой ткани. Госпожа приказала мне стоять у входа в капище, а сама принялась один за другим зажигать светильники, окружавшие статую. После этого она разделась и приготовилась к исполнению какого-то обряда. Я успела разглядеть изваяние как следует. От страха меня трясло.

— Госпожа! — взмолилась я. — Вели наказать меня по своему усмотрению, только позволь уйти отсюда!

— Глупая девчонка! — рассердилась Эвника. — Тебе дадут триста розог, вымоченных в уксусе, раз тебе этого хочется. Но это случится попозже. А сейчас ты замолчишь и будешь делать все, что я прикажу. Иначе тобой позабавятся мои слуги, все по очереди. Они будут брать тебя как женщину и как мальчика, пока твое тело не лопнет. А после этого они же сварят тебя заживо и насытят свои утробы!

От ужаса я едва не лишилась сознания. Пока госпожа Эвника произносила свои страшные угрозы, Атротида изменила выражение лица. Прежде оно было бесстрастным, теперь же стало похоже на лицо самой Эвники, такое же жестокое и сладострастное.

Госпожа Эвника отвернулась от меня и хлопнула в ладоши. Из полумрака выступила Нибилла — одна из ее воспитанниц, не принадлежащих к людскому роду. Это странное

существо, как и мерзкие слуги Эвники, во всем послушно ее воле. Если бы не обожающий взгляд, устремленный на хозяйку, Нибиллу можно было принять за куклу, управляемую рычагами.

Нибилла заиграла на арфе. В любое другое время ее музыка показалась бы мне чарующе-прекрасной. Но в стенах капища, перед изваянием Атротиды, она довела меня до судорог.

Эвника затрепетала с головы до ног, словно ее пронзили насквозь, и стала танцевать. Она прижималась к статуе грудью, ласкала ее ноги, покрывала холодный камень поцелуями... Продолжалось это долго. Я думала, что никогда не закончится танец обезумевшей Эвники. И вдруг белый мрамор изваяния окрасился кровью. Алая полоса начиналась от уст Атротиды и бежала к ее ногам. Затем появилась другая — от каменного лона дсмоницы. Густая кровь закапала с мраморных сосков... Эвника подхватила сосуд с подноса и принялась собирать в него багряные капли. Когда сосуд наполнился доверху, госпожа запечатала его. Но статуя продолжала сочиться кровью. Тогда Эвника стала слизывать эту кровь языком. Нибилла присоединилась к ней. От этого зрелища меня затошнило, и я не сразу расслышала слова Эвники.

— Глухая дрянь! — рассердилась она. — Немедленно помощи нам. Не должно пропасть ни единой капли! Да не бойся, ничтожная девка, кровь Атротиды действует только на самцов.

Ослушаться Эвники было страшно, но еще страшнее оказалось подойти к изваянию и исполнить этот приказ... Эвника зарычала, как взбешенная тигрица:

— Ты получишь не триста, а шестьсот розог! — крикнула она. — Тысячу двести!

Понимая, что ей ничего не стоит увеличивать число ударов, сломленная страхом, я подчинилась... После этого меня секли три дня кряду, я теряла сознания от невыносимой боли, но слизывать кровь с изваяния оказалось куда ужаснее!..

Тана не выдержала и разрыдалась. Конан ощущал, как гнев заполняет все его существо. Давно он не испытывал подобного чувства. Тем временем Каркаду утешал девушку. Выплакавшись, она продолжала свой рассказ.

— Сегодня я решила бежать. Дело в том, что у Эвники — новый гость. Юноша редкой красоты, бесспорно — благородного происхождения. Сегодня Эвника направится в капище за новой порцией кровавого снадобья. И именно сегодня я должна буду прислуживать ей...

Здесь девушка глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Это превыше моих сил, — молвила она. — Я не смогу... Я совершу проступок, равный самоубийству, только что бы не принимать участия в этом ужасном обряде.

— Ты сказала, что пыталась бежать, — перебил ее варвар.

— Да, господин, — отвечала Тана. — Нынче утром. Воспользовавшись временем, отпущенным на прогулку среди этого сада, я потихоньку ускользнула от взглядов наших сторожей и бросилась куда глаза глядели... Я полагала, что набреду на побережье, отыщу там временное пристанище и смогу дожидаться проходящего мимо корабля, который бы подобрал меня и доставил поближе к дому. Клянусь, я была готова к самому худшему... Наверняка команда корабля захотела бы видеть меня общей игрушкой, безотказной наложницей...

— Полно вам! — Каркаду, покрасневший от смущения, нежно пожал ее руку. — Проклятая ведьма успела внушить вам неправильное отношение к мужчинам! Мир не состоит из грязных, похотливых самцов. Многие были бы рады помочь вам просто так, без стремления к непременно вознаграждению. Вот, к примеру, мы с моим другом, беремся вызволить вас из этого заколдованного места...

— Если бы это было возможно! — воскликнула Тана. — Но, увы! Я бежала без оглядки, спотыкалась, спешила, торопилась из последних сил... И — вот... — Тана откинула челку со лба и показала небольшую, но довольно заметную ссадину.

— Что это значит? — удивился маркиз.

— Она наткнулась на стену. Правильно? — Варвар усмехнулся.

— Да. Это была стена. Невидимая, твердая, крепкая стена, в ней, словно в зеркале, отражалась дорога, по которой я пыталась убежать на побережье...

Девушка была потрясена случившимся. Она не верила, что двое незнакомцев, возникших из ниоткуда, помогут ей вырваться из кошмарного сна, в который превратилась ее жизнь.

— Что же мы предпримем? — поинтересовался Каркаду, успевший, напротив, совершенно успокоиться и довериться судьбе.

— Меня беспокоит этот уродливый гаденыш Нагир, — киммериец брезгливо поморщился. — Я уж было совсем свернул ему шею, но в последний момент он вывернулся и исчез. Конечно, Эвника давно знает о нашем появлении и где-то впереди нас ожидает засада.

— Хорошо бы ее обойти, — здраво рассудил Каркаду. — Но где бы она могла быть? Эвника, конечно, догадывается, что Тана пыталась бежать. Но может ли лемурийка знать, что мы повстречались с беглянкой? Если да, то, скорее всего, засада ждет нас у капища. Ведь Тана знает туда дорогу.

— Вы думаете, мне велели заманить вас в ловушку? — девушка едва снова не расплакалась. — Клянусь, такого нет в моих мыслях! Я не обманываю вас.

— В этом мы совершенно уверены, — успокоил ее маркиз. Это несчастное, напуганное существо вызвало в беспутном и крайне легкомысленном молодом человеке добрые чувства. Может быть, впервые за свою жизнь Каркаду захотел взять на себя ответственность за кого-то другого. К тому же, что немаловажно, пленница Эвники была молода и красива чистой, незамутненной красотой.

«С ней Эвника промахнулась, как и с Конаном, — подумалось маркизу. — Какая же она рабыня? Тану можно замучить до смерти, но не сломать. Таких чистых созданий ничто не пачкает...»

Конан прервал его размышления:

— Но мы ведь должны еще и выручить Маримальта. Об этом Эвника догадывается наверняка. Ты знаешь, где его держат? — спросил киммериец у Таны.

— Да, господин, — отвечала она. — Сейчас он должен находиться в купальне. Это недалеко отсюда. — Тана махнула рукой, показывая направление.

— Мы разделимся, — решил варвар. — Я пойду искать рыцаря, а вы вдвоем найдете способ выбраться отсюда. В покоях Эвники должна быть особая комната, через которую она попадает в наш мир. Припомни, Тана, попадалось ли тебе что-либо в таком роде?

— В покоях Эвники много комнат, куда запрещают заглядывать пленницам, — отвечала Тана. — К тому же, они заперты на ключ.

— Тебе придется побыть взломщиком, — хмыкнул Конан, обращаясь к маркизу. — Не возражаешь?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Каркаду. — Никогда ведь не знаешь, какие умения могут пригодиться в высшем обществе.

* * *

Рыцарь Маримальт недоумевал. Госпожа Эвника, подобная ускользающему видению, показалась перед ним всего на несколько мгновений. Она была прекрасна, как ожившая статуя работы древнего скульптора, и даже еще прекраснее.

— Потерпи, — сказала ему Эвника. — Потерпи еще немного. Сегодня — слышишь? — я буду твоей, а ты моим. Никто и ничто нам не помешает. Это случится совсем скоро.

— Что это за райский сад? — спросил Маримальт. — Это — твое обиталище? Кто ты, в таком случае? Гурия запада? Богиня востока? Крылатая дева из поднебесных сфер?

— Я — только лишь одинокая женщина, которая хочет любви, — отвечала Эвника. — Этот сад — уголок моей души, и только ты видишь сон обо мне, а я вижу сон о тебе. Все в

мире — только сон...

Сказав так, Эвника удалилась. Служанки избавили рыцаря от одежды, пришедшей в негодность, и отвели в купальню. В бассейне ключом плескала прохладная, чистая вода. Веяло свежестью и негой. Маримальт совершил омовение, переоделся в принесенный хитон из мягкой, шелковистой шерсти. Ему подали вино и фрукты — он никогда не пробовал таких.

«Милые служанки у Эвники, — подумал он, разглядывая девушек, которые ухаживали за ним. — Красивые и хорошо вышколены. Сразу видно, что их хозяйка — женщина. Если бы эти рабыни принадлежали мужчине, то привыкли бы пользоваться своими прелестями, забывая об обязанностях...»

Мысли Маримальта делались все более и более рассеянными. Он возлежал на мягкой тахте, слушал журчание воды и негромкую, плавную музыку, лившуюся, как казалось, прямо с небес.

— Хочет ли господин усладить свой взор танцем? — спросила одна из служанок. Она смотрела в пол, голос ее был тихим и безжизненным.

— Не бойся меня, — сказал Маримальт, взяв ее за подбородок. — Я — добрый господин. Ты очень мне нравишься. И твои подруги хороши.

Служанка отступила на шаг и повторила:

— Не желает ли господин, чтобы мы танцевали для него?

— Что ж, танцуйте, — кивнул рыцарь. — Я посмотрю.

И служанки танцевали под призрачную музыку. Их тела постепенно обнажались, дразня мужское естество. Фигуры были безупречны, движения — легки... но чего-то не хватало Маримальту для полноты удовольствия. В робости и покорной вежливости рабынь сквозило что-то, что настораживало и даже удручало.

Маримальт был воспитан в духе подлинного аристократизма. Он не мог позволить, чтобы из-за его недовольства пострадали слуги, особенно — чужие, и поэтому старательно делал вид, что танец очень его занимает. Но в глубине души он оставался разочарованным.

«Может быть, — думал Маримальт, — я попросту привык, что все женщины от меня без ума? И в самом деле, герцогини и камеристки, жены сановных вельмож и простые рабыни в моем присутствии улыбаются и стреляют глазками совершенно одинаковым образом. А эти служанки, похоже, слишком сильно боятся своей хозяйки...»

В общем-то, рыцарь был даже уязвлен этим обстоятельством. Счастливая внешность, знатный род, воинская доблесть и богатство, а самое главное — молодость — все это сделало его дамским любимцем. Немудрено, что он избаловался и чувствовал себя неуютно, если вместо женского обожания встречал холодную отстраненность.

Однако вскорости он перестал думать об этом. Станные вещи происходили с ним. Маримальт словно погружался в сои, все его ощущения обволакивало ленивым покоем, близким к безразличию, в то время как внешне он продолжал бодрствовать. Ему показалось, что вокруг него колышутся зеленоватые морские волны, и далеко вверху пробегают солнечные блики...

Приблизительно в это самое время Конан сражался со слугой-великаном. Киммериец незамеченным прокрался почти к самой купальне и увидел Эвнику. Лемурийка беседовала с Нагиром. Уродец с виноватым видом стоял перед ней. Хозяйка подводного обиталища сердито выговаривала ему на языке глубин. Ее руки нервно теребили золотую цепочку, на которой покачивался шлифованный изумруд — тот самый, сквозь который она наблюдала за турниром.

Нагир, судя по всему, осмелился возразить своей госпоже, вставив в ее гневную речь короткое замечание, состоящее из щелканья и тоненького визга. Эвника пришла в ярость и залепила уродцу звонкую пощечину. Она дважды топнула ногой, а после запустила ему в голову изумрудом и ушла. Нагир, на глазах которого проступили слезы, поклонился ей вслед и удалился в другую сторону. Изумруд остался лежать на траве.

Упускать такую возможность варвар не собирался. Конечно, по сравнению с тем, что

можно было выкрасть из обиталища Эвники, особой ценности этот изумруд не представлял. Но особое чутье, развившееся у киммерийца за годы странствий и приключений, подсказывало: камень достоин внимания.

Выскользнув из-за колонны, варвар нагнулся, чтобы поднять изумруд, как вдруг... Из ниоткуда возникший слуга-великан обхватил Конана стальными ручищами и сжал, как удав сжимает свою добычу.

Он не спешил поднимать тревогу. Великан был абсолютно уверен, что справится с незванным гостем сам, без посторонней помощи. У него были все основания так полагать. Нечасто киммерийцу выпадала схватка с противником, превосходящим его по силе, — разве что это был какой-нибудь монстр или могущественный колдун.

Великан держал руки Конана так крепко, что у варвара не было возможности дотянуться до собственного меча. Конан напряг мышцы в попытке вырваться. На это его противник искривил усмешкой свое уродливое лицо и только усилил хватку.

Варвару показалось, что он услышал, как затрещали его ребра. Зарывав от ярости, Конан собрался с силами и воззвал к своему богу, великому Крому.

В то же мгновение на киммерийца снизошло вдохновение. Он использовал короткий миг, когда великан слегка наклонился к нему и со всей мощи ударил противника головой в лицо.

Тот пошатнулся и от неожиданности разжал руки. Освободившись от смертельных объятий врага, Конан не мешкая выхватил меч и, подпрыгнув, снес великану голову.

— Как я мог не заметить этого верзилу? — недоумевал варвар, переводя дыхание. — Неужели великосветская жизнь так меня ослабила? Да уж, она явно не для меня!

Конан поднял изумруд и подбросил его на ладони.

— Сотня золотых, не больше, — оценил он. — Безделушка! Но мне приходилось рисковать собой и за меньшую сумму!

Варвар собирался уже спрятать камень за пазуху, но острое любопытство заставило киммерийца поднести изумруд к глазу и глянуть сквозь него на убитого великана.

— Кром! — воскликнул он. — Я и раньше мог догадаться!

* * *

— Опочивальня Эвники вот здесь, — Тана показала на полукруглый грот, вход в который был украшен огромными переливающимися раковинами.

— Не укладывается в голове, — маркиз оглядывался по сторонам. — Здесь так красиво... и происходят такие гнусные вещи! Скажи мне, Тана, почему среди прочих пленниц ты не нашла себе подруги? Почему ты пыталась бежать одна?

Этот вопрос занимал его уже довольно давно, но он все никак не мог подобрать правильного момента, чтобы задать его.

Тана смутилась.

— Я пыталась, господин мой, но другие девушки были либо слишком сильно запуганы, либо вконец отчаялись. Если бы не эта страшная статуя в капище, возможно, и я не решилась бы на побег. Здесь плохое творится с людьми. Разум погружается в грезы, душа цепенеет... Неужели мы никогда не выберемся отсюда?

— Я думаю, мы непременно спасемся, — сказал ей Каркаду. — Но для этого нам придется кое-что разузнать. Ты готова вторгнуться в покои Эвники?

Девушка колебалась. Пробираться в опочивальню таинственной и всемогущей колдуньи — дело нешуточное. Но Тана впервые за много дней была не одинока. Рядом с ней оказался живой человек и к тому же — храбрый и приятный собой. Мысль о том, что маркиз пойдет в грот без нее и она останется ждать в одиночестве, показалась ей страшнее всего. Без лишних колебаний Тана кивнула и решительно приблизилась к дверям, запертым на ключ.

Маркиз попытался взломать замок, орудуя в скважине острием меча. Усилия его

успехом не увенчались.

— Вот что значит отсутствие опыта! — бормотал он. — Интересно, можно ли брать платные уроки воровского мастерства, и если да, — то у кого?

Тана с тревогой наблюдала за ним.

— Не получается! — признался он наконец. — Скверно, что у опочивальни нет окон. А как насчет дымохода? В спальне есть очаг?

— Нет, — уверенно произнесла Тана. — Да и зачем? Здесь ведь всегда тепло. Я не помню ни одного прохладного дня. Ой! — вдруг вскрикнула она шепотом. — Сюда идут! Прячемся, или мы погибли!

Вдвоем они скрылись за густым кустарником, образующим живую зеленую изгородь вокруг грота, и затаились. Коралловый песок, которым была присыпана тропинка, закрипел под чьими-то ногами. Скоро Каркаду увидел Нагира. Уродец с лицом прекрасного юноши явно был озабочен чем-то и бормотал про себя на лемурийском наречии.

Подойдя к дверям вплотную, Нагир просто прикоснулся к замку скрюченной лягушачьей лапкой. Замок лязгнул, открываясь без посторонней помощи. Двери отворились.

Маркиз не стал терять времени. Бесшумно он выскочил из своего укрытия и на цыпочках вбежал в грот следом за Нагиром. От неожиданности Тана только и успела, что ахнуть. Послышался звук крепкого удара и шум, произведенный рухнувшим телом. Миг спустя Каркаду показался из дверей. Он приглашающе махнул рукой. Зажмурившись от страха, девушка бросилась к нему.

Опочивальня представляла собой две комнаты, в одной имели место огромная кровать под шелковым балдахином, изящный туалетный столик, инкрустированный перламутром, многочисленные зеркала и хрустальный светильник, выполненный в виде плавающей под потолком медузы. Как и лампы в особняке Эвники, этот светился без огня — излучал голубоватое мерцание, не слишком яркое, как раз для спальни.

Вторая комната была сильно поменьше. Она предвляла собой собственно спальню и играла роль гардеробной или приемной. Там стояли красивая ширма старинной работы, два кресла и бронзовая курильница. Между креслами на полу лежал Нагир.

— Он мертв? — побелев, прошептала Тана.

— Не думаю, — маркиз пожал плечами. — Я только оглушил его рукояткой меча. По-моему, он дышит...

— Я его боюсь, — сказала девушка.

— Я тоже, — улыбнулся Каркаду в ответ. — Он же не человек. Он — лемур или лемуриец, как тебе угодно. Никто толком не знает, что он

может сотворить. Но ближайшее время этот говорящий тритон не сможет нам помешать. Мы должны обыскать комнату... Вот только знать бы еще, как выглядит то, что мы идем! — добавил он про себя.

В спальне Эвники не было ничего, напоминавшего колдовской шкаф, при помощи которого маркиз попал в подводные сады.

— Может быть, дело не в шкафу? — размышлял Каркаду, заглядывая под кровать. — Может быть, это как-то по-другому действует? Невероятно, чем приходится заниматься!

Испуганный вскрик Таны заставил его повернуться. Девушка показывала трясущейся рукой на Нагира, а тот, придя в себя, сидел на полу и... хихикал.

— Что это значит? — гневно спросил Каркаду. — ты смеешься над дворянином? Может быть, мне пустить в дело клинок?

— Я смеюсь, когда мне смешно, — молвил Нагир. — Я понял, что вы пытаетесь отыскать, и больше не смог притворяться оглушенным. Неужели все представители вашей расы так глупы?

— Я прекрасно могу обойтись и чужим умом! — маркиз подошел к Нагиру вплотную. — Сейчас я начну кромсать тебя на куски, и ты сам расскажешь, как нам выбраться отсюда!

— Остынь, юноша, — Нагир сохранял надменное спокойствие. — Можно обойтись и

без глупых угроз. Я могу в любое мгновение позвать слуг, а ты даже не услышишь этого. В языке лемурийцев много звуков, недоступных человеческому слуху. Они сбегутся сюда раньше, чем ты успеешь причинить мне вред.

— Ты лжешь! — усмехнулся Каркаду. — Почему же ты до сих пор этого не сделал? У тебя было время.

— Может быть, я не хочу ваших смертей? Может быть, я заинтересован в том, чтобы вы сами, без лишнего шума, убрались отсюда? — проговорил уродец, повышая голос. В глазах его вспыхнули огоньки, а в нелепой, исковерканной фигурке появилось необыкновенное достоинство.

— Откуда бы такая сердобольность? — язвительно осведомился Каркаду. — То ты вместе со своей хозяйкой похищаете людей и губите их жизни, то вдруг готовы отпустить на все четыре стороны?

— Что ты знаешь о моей хозяйке? Что ты знаешь о моем народе? — с горечью сказал Нагир. — Мы все обречены и в то же время живем здесь, на морском дне, вопреки стихии и всему сущему. Вопреки столетиям, которые превращают в пыль человеческие тела. Мудрость великой расы, все прекрасное, что было в ней, воплотилось сейчас в госпоже Эвнике. Она живет не для себя, поверь. На ней тяжкое бремя — ответственность. Ей выпало на долю сохранить себя во что бы то ни стало, сберечь от смерти. Пока жива она — жива и надежда возродить Лемурию из небытия.

— О какой мудрости ты говоришь? — изумился маркиз. — Об умении устраивать кровавые оргии? О сладострастном наблюдении за пытками рабынь?

— Разве в твоём мире, юнец, это не практикуется? — Нагир перешел на крик. — Молчи и слушай, не раздражай меня глупыми речами! Эвника вынуждена похищать мужчин и упиваться их силой — в этом залог ее бессмертия. Неужели ты думаешь, что ради пустого удовольствия она бы стала...

— Да, как раз так я и думаю, — перебил его маркиз. — Именно. Я понял, почему ты хочешь избавиться от нас. Эвника не знает о нашем присутствии, так? Ты наврал ей, сказал, что убил нас там, в особняке, верно? Она положила глаз не только на Маримальта, но и на моего друга-северянина. Более чем уверен в этом. Однако тебе, верному рабу и тайному обожателю, больно даже думать об этом. Эвнике нужно насладиться Маримальтом? Что ж, это необходимое зло. Это ты выдержишь. Но Конан надобен ей только как игрушка. Он возбуждает ее желание — в отличие от тебя...

— Замолчи! — Нагир сделался страшен. Еще немного — и он бросился бы на маркиза с голыми руками против меча, так велика была его ярость. — Замолчи! Ни слова больше! Я уже сказал, что выведу вас. Где твой приятель-варвар? Он тоже должен убираться, и чем скорее, тем лучше.

* * *

— Князь? — Маримальт, завидев варвара, так удивился, что сонное оцепенение покинуло его.

Поразился он также и тому обстоятельству, что рабыни ни на мгновение не прервали своего танца. Они продолжали двигаться, как куклы-марионетки, и это вдруг стало раздражать рыцаря.

— О, боги! В каком вы виде, князь! — светским тоном произнес Маримальт, разглядывая неожиданного визитера. — Можно подумать, что вы сражались с десятком разбойников. Вы не ранены?

— Разбойник был всего один, — отозвался киммериец. — Но клянусь ледяной бородой Крома, он стоил сотни других. Я, как видите, прогуливаюсь в этих краях... и хочу спросить: не желаете ли составить мне компанию по пути домой?

— Вы полагаете, мне пора? — рыцарь нахмурился.

— Полагаю, да!

— А я полагаю, что могу решать за себя сам! — Маримальт по-прежнему произносил слова очень вежливым и даже доброжелательным тоном, но смысл этих слов оставался предельно ясен и нелицеприятен.

Конан не выдержал.

— Хватит! — оборвал он учтивую беседу. — Тебе угрожает смерть. Нужно уносить отсюда ноги подобру-поздорову! Ты угодил в ловушку. Тебя используют, как призового жеребца, а то, что от тебя останется, скормят рыбам.

Маримальт недоверчиво покачал головой.

— Почему я должен этому верить? — спросил он. — Если ты, северянин, ревнуешь к Эвнике, то к чему эти уловки, эта явная ложь? Вызови меня на поединок, как и подобает благородному человеку. Незачем оскорблять женщину столь отвратительными подозрениями...

— Довольно, — Конан протянул рыцарю изумруд на цепочке. — Посмотри на танцовщиц сквозь этот камень. Увиденное убедит тебя лучше любых слов.

Маримальт не был в восторге от того, что какой-то слабоцивилизованный дикарский князек с севера дает ему советы.

Но правила хорошего тона взяли свое. Рыцарь приложил изумруд к правому глазу и нехотя взглянул на служанок, кружащихся в бесконечном танце.

Хриплый стон вырвался из его груди. Маримальт побелел, как полотно, и пошатнулся.

Утопленницы, полуистлевшие, объединенные рыбами, плясали перед ним. Обнаженные кости торчали из разложившейся плоти. Мертвые пустые глазницы сочились морской водой.

— Это колдовство! — простонал Маримальт. — Твой камень врет. Я не могу поверить...

— Посмотри на меня. Посмотри на себя. Если бы это была только уловка, изумруд искажал бы все без разбора. Ну? Взгляни же на меня через него! Что ты видишь?

— Где Эвника? — с болью в голосе спросил рыцарь.

— В капище Атротиды. Собирает ядовитое зелье для тебя, — ответил Конан, яростно щерясь. — Ну? Что ты скажешь теперь?

— Надо избавить мир от этой... гадины, — выговорил Маримальт. — Идем!

Перед тем, как маленький отряд разделился, киммериец подробно расспросил Тану о расположении строений в подводном саду чудес. Благодаря этой предусмотрительности он неплохо ориентировался во владениях Эвники. Вдвоем с рыцарем они передвигались тихо и быстро. До самого капища им никто не попался на глаза.

«Верный признак близкой засады!» — отметил про себя Конан. И он не ошибся.

У самого капища — приземистой округлой постройки, утонувшей в густых зарослях цветущего шиповника, — на них напали. Словно из воздуха материализовались двое слуг-великанов. Оба были вооружены длинными мечами с пилообразными клинками. Конан уже знал секрет их невидимости. Истинная наружность великанов, различимая сквозь изумруд, оказалась далека от человеческого образа. То были глубинные твари, поросшие колючими плавниками, с толстыми щупальцами и острыми тонкими зубами. Как и многие жители моря, эти чудовища умели искусно менять цвет и сливаться с окружающим.

Маримальт, оказавшийся без оружия, не колебался ни мгновения. Он бросился в бой, располагая только бесстрашием. Как ни странно, чудовища растерялись от такого натиска. Но, к несчастью, они быстро пришли в себя. Конан не успел еще вмешаться в битву, как рыцарь получил уже серьезную рану — меч великана пропорол ему бок. В следующее мгновение Конан успел вонзить свой клинок в грудь одного из отвратительных созданий. Черная кровь хлынула фонтаном.

Маримальт, зажимая левой рукой рану, другой прихватил меч убитого великана, и миг спустя они уже вдвоем атаковали оставшегося. Тот сражался отчаянно. Сила его ударов нарастала, словно он не ведал усталости. Испустив воинственное рычание, киммериец сделал глубокий выпад, но великан отразил его и сбил варвара с ног. Еще мгновение — и

Конан был бы пригвожден к земле. Маримальт, движимый наитием, метнул лемурийский меч, будто копье. Пронзенный насквозь, обитатель черной глубины рухнул навзничь.

Шатаясь от потери крови, Маримальт вошел под своды капища. Эвника, увидев его, закричала от ужаса и гнева.

— Кто звал тебя сюда, глупец! Ты все испортил! — визжала она.

Нибилла, сжимая арфу, отступила в тень и затаилась.

— Ты права, я глупец! — горько молвил рыцарь. — Как я мог поверить тебе? Меня ослепила твоя красота. Я добровольно расстался бы с жизнью, если бы ты только попросила.

— Что же изменилось? — Эвника высокомерно посмотрела на юношу, истекающего кровью. — Моя красота осталась при мне. Я прошу тебя пожертвовать собой во имя этой красоты. Что же ты? Не хочешь?

— Ты невысокого мнения о людях, лемурийка, — произнес Конан, входя в капище. — В этом твоя главная ошибка. Люди несовершенны, неумны, испорчены всяческими пороками... Но самый слабый из них — сильнее тебя, пока у него осталось желание бороться.

Нибилла первой поняла, что задумал киммериец. С воплем она бросилась на него. Упавшая арфа зазвенела лопнувшими струнами. Невесть откуда показались в руках Нибиллы смертоносные бичи. Еще мгновение — и они оплелись бы вокруг ноги варвара...

Но тот не терял времени. Подскочив к изваянию Атротиды, Конан рывком сбросил его с пьедестала. Статуя обрушилась на Нибиллу, раздавив ее, и лопнула, раскололась на части. Обломки стали сочиться кровью. Эвника пала на колени перед поверженным идиолом и принялась жадно, торопливо слизывать эту кровь. На обоих мужчин она даже не смотрела.

* * *

Силы оставили Маримальта, и Конану пришлось нести его на руках. Варвар чувствовал: необходимо торопиться. Что-то нарушилось в подводных владениях Эвники. Почва под ногами то и дело начинала ходить ходуном, а прозрачный купол, заменяющий небо, отчетливо содрогался.

Киммериец не имел ни малейшего представления о том, куда идти и где искать Каркаду с девушкой.

За это время многое могло уже измениться. На всякий случай он со своим раненым спутником поспешил в сторону хозяйкиной опочивальни. Если Каркаду и ушел оттуда, то вряд ли успел отойти далеко.

К великому счастью, маркиз и Тана быстро их нашли.

— Пора, князь! — заявил маркиз. — В двух шагах отсюда есть беседка, из которой мы перенесемся обратно в особняк.

— Как вы догадались о ее свойствах? — спросил Конан.

— Нам помог Нагир. О, тут целая драма! Я расскажу в подробностях, но не теперь. Вот, кстати, и он.

Уродец отнюдь не пришел в восторг, увидев бесчувственного рыцаря на руках у Конана.

— Этот должен остаться! — объявил он. — Иначе я позову стражу, и вы все погибнете!

— Он больше не нужен твоей хозяйке, — сообщил варвар не без злорадства. — Ей не до него. И тебе скоро, очень скоро, тоже будет не до нас.

— Что все это значит? — Нагир оскалился. — Госпожа жива? Вы ничего ей не сделали?

— Ее никто и пальцем не тронул.

— Пропадите вы пропадом! — Нагир в нетерпении махнул рукой. — Становитесь в беседку, в самый центр, и возьмитесь за руки. Больше ничего делать не нужно. А знаете... если когда-нибудь у меня появится такая возможность, я убью вас. Всех, по очереди.

Убирайтесь!

Уродец бросился бежать по направлению к капищу. Подземный толчок едва не сбил его с ног. Прозрачный купол явственно потрескивал, словно устал сдерживать тяжесть невероятной толщи морской воды.

— Пожалуй, он действительно любит свою госпожу, — задумчиво молвил Каркаду, глядя ему вслед. — Ах, какая трогательная и ужасная драма!

— Прежде чем мы вернемся обратно, нужно рассеять последние сомнения, — тяжело уронил Конан, поглядывая на Тану.

Девушка, не понимая ничего, смущенно улыбалась.

— Ты о чем? — не понял маркиз.

— Тана нравится тебе? Ты ведь увлечен ею как женщиной? — прямо спросил варвар.

— Ну, у нас не принято обсуждать подобные вопросы столь откровенно, однако признаюсь — ты прав, — ответил Каркаду и взял девушку за руку. — Если бы она согласилась, я женился бы на ней. Тана красива, отважна, умна, аристократична и будет благодарна мне — своему изысканному спасителю. Ведь правда, Тана?

— Значит, ты и должен это сделать, — оборвал его Конан.

— Что именно?

— Посмотри на нее сквозь этот камень. Быстро. Что ты видишь?

— Красивую, отважную, аристократичную... э... умную девушку, — ответил Каркаду. — Можешь посмотреть сам. Эта девушка, честное слово, просто очаровательна. Но зеленое ей не слишком идет. Думаю, мой портной в Ианте смог бы...

— Вот и прекрасно, — оборвал Конан и вздохнул с нескрываемым облегчением.

* * *

После того, как все четверо исчезли из беседки, тяжкий удар сотряс подводные сады госпожи Эвники и прокатился по всему дворцу наслаждений. Купол покрылся сетью извилистых трещин, и соленая морская вода хлынула со всех сторон, уничтожая призрачное величие. Все погибло без следа. Что стало с Эвникой, Нагиром, с бесчисленными сокровищами Лемурии — об этом знают только зеленые морские волны и глубоководные рыбы. Но рыбы молчаливы, а язык волн понимают только менестрели. Кто станет прислушиваться к ним, кто примет всерьез их поэтические рассказы? Они вечно все приукрашают.

Маримальт оправился от раны. Он по-прежнему самый красивый рыцарь в Ианте, но после случившегося уже не злоупотребляет вниманием со стороны дам. Теперь он тих, задумчив и, поговаривают, дал обет целомудрия. Каркаду никаких обетов не давал. Он и вправду женился на Тане и теперь редко по вечерам выходит из дома, предпочитая развлечения семейный очаг и трех маленьких, чрезвычайно шумных и бойких Каркаду.

А Конан? Конан-варвар покинул Ианту и устремился навстречу новым приключениям. Придет время — и вы узнаете о них.

* * *

— Изумруд, который показывает истинную природу людей и предметов? — недоверчиво проговорила Зонара, вертя в быстрых загорелых пальцах добычу Конана. — И это все? Боги, как же ты глуп, киммериец!

И уставилась на него сквозь камень большим, любопытным, ярко-зеленым глазом.